

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 103–111.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):103–111.

Научная статья
УДК 130.122 (470.57)
doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-103-111

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ПОЛИЭТНИЧНОГО РОССИЙСКОГО РЕГИОНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (на материалах Республики Башкортостан)

**Рушан Рахимзянович Галлямов^{1✉}, Сергей Михайлович Емелин²,
Фаиль Габдуллович Сафин³**

^{1,2,3}Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева

Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия

¹gal-rushan@yandex.ru✉

²emelin_sm@mail.ru

³failsafin@mail.ru

Аннотация. Анализируются основные тенденции и этапы развития религиозности в одном из самых полиэтничных российских регионов — Республике Башкортостан в позднесоветский и постсоветский период новейшей истории. Исследуются этническая и конфессиональная составляющие религиозности проживающих в республике народов в компаративном значении. Основные выводы делаются на результатах повторного и синхронного анализа материалов государственной статистики, а также итогов нескольких, имеющих репрезентативный характер, масштабных и экспертных опросов, проведенных под руководством и при непосредственном участии авторов. Рассматриваются особенности и направления религиозной идентичности с точки зрения формирования современного «конфессионального ренессанса» и идентификационных основ межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: религиозная идентичность, тенденции развития, Республика Башкортостан

Для цитирования: Галлямов Р. Р., Емелин С. М., Сафин Ф. Г. Религиозная идентичность жителей полиэтничного российского региона на современном этапе: тенденции развития (на материалах Республики Башкортостан) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 103–111. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-103-111>.

Research article

RELIGIOUS IDENTITY OF THE INHABITANTS OF A MULTIETHNIC RUSSIAN REGION AT THE PRESENT STAGE: TRENDS OF DEVELOPMENT (based on the materials of the Republic of Bashkortostan)

Rushan R. Gallyamov^{1✉}, Sergey M. Emelin², Fail G. Safin³

^{1,2,3}Institute of Ethnological Studies of R. G. Kuzeev, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Ufa, Russia

¹gal-rushan@yandex.ru✉

²emelin_sm@mail.ru

³failsafin@mail.ru

Abstract. The main trends and stages of the development of religiosity in one of the most multiethnic Russian regions — the Republic of Bashkortostan in the late Soviet and post-Soviet period of modern history are analyzed. The article examines ethnic and confessional components of the religiosity of the

peoples living in the republic in a comparative sense. The main conclusions are drawn on the results of repeated and synchronous analysis of state statistics materials, as well as the results of several large-scale and expert surveys conducted under the guidance and with the direct participation of the authors. The features and directions of religious identity are considered from the point of view of the formation of the modern "confessional renaissance" and the identification foundations of interfaith relations.

Keywords: Religious identity, trends of development, Republic of Bashkortostan

For citation: Gallyamov R. R., Emelin S. M., Safin F. G. Religious identity of the inhabitants of a multiethnic Russian region at the present stage: trends of development (based on the materials of the Republic of Bashkortostan). *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):103–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-103-111>.

Введение

Не только в отечественном экспертном обществе, но и среди большинства ученых-обществоведов, считается общепризнанным факт того, что Республика Башкортостан, территориально расположенная в Приуралье и на Южном Урале, является одной из самых полиэтничных и поликонфессиональных российских территорий. Причем если по показателям этнической мозаичности (смешанности) населения, проживающего здесь, Башкортостан еще уступает первенство некоторым северокавказским республикам (Дагестан, Кабардино-Балкария), то с точки зрения конфессиональной представленности и сложности межконфессиональных отношений, скорее всего, наша республика лидирует не только в масштабах Российской Федерации, но и в пределах всего бывшего Советского Союза.

Исторически сложилось так, что на протяжении свыше одного тысячелетия, в результате многочисленных, имеющих преимущественно этнический характер, миграций (в том числе «великого переселения народов»), которые проходили на Евразийском континенте, в основном с Востока на Запад и обратно, на территории современного Башкортостана отложились множество этносов и этнических групп, которые с середины XIX в. вплоть до эпохи советского национализма именно в этом макрорегионе сформировались в общности этнонационального типа. По результатам советских и постсоветских переписей, эволюция этнонационального состава населения Башкортостана может быть представлена следующим образом (табл. 1).

Как видно из представленной таблицы, по опубликованному на сегодняшний день результатам переписи 2010 года, этническую основу населения Республики Башкортостан со-

ставляют три наиболее многочисленных народа: башкиры (29,5%), русские (36%) и татары (25,4%), в совокупности — 90,9%. Кроме того, в республике проживают также несколько тюркских (в том числе, чуваша — 2,7%), финно-угорских (марийцы — 2,6%, удмурты — 0,5%, мордва — 0,5%) и славянских народов (украинцы — 1,0%, белорусы — 0,3%).

К сожалению, в отличие от первой Всероссийской переписи 1897 года, проведенной еще в императорской России, все советские и постсоветские переписи населения не фиксировали религиозную идентичность граждан. Поэтому мы можем статистически рассчитать конфессиональную принадлежность жителей той или иной территории лишь приблизительно, основываясь, опять же, на данных этнического состава, относя к той или иной конфессии представителей этнических общин, традиционно придерживающихся определенной религиозности. Но и в этом случае мы не можем более или менее точно определить религиозную идентичность граждан в связи с тем, что в эпоху советского «воинствующего атеизма» религиозность стала для людей сугубо личным делом, приобрела преимущественно латентный характер и ограничилась в основном исполнением некоторых обрядов, имеющих религиозный характер.

Практически нет объективных данных и о распространении на территории республики в советский период других, не традиционных для этого региона конфессиональных идентичностей, интенсивно развивающихся в постсоветские годы. Так или иначе, основываясь на этнографических данных, мы можем условно отнести к группе «потенциальных православных»: русских, украинцев и белорусов,

Таблица 1 — Динамика национального состава населения Республики Башкортостан 1926–2010 гг.*

Национальности	1926		1939		1959		1970	
	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес
Все население	2 665 836	100	3 158 969	100	3 341 609	100	3 818 075	100
Башкиры	625 845	23,47	671 188	21,25	737 711	22,07	892 248	23,36
Татары	631 867	23,7	777 230	24,6	768 566	22,99	994 507	26,04
Русские	1 064 707	39,93	1 281 347	40,56	1 418 147	42,44	1 546 304	40,49
Чуваши	84 886	3,18	106 892	3,38	109 970	3,29	126 638	3,32
Марийцы	79 298	2,97	90 163	2,85	93 902	2,81	109 638	2,87
Украинцы	76 710	2,87	92 289	2,92	83 594	2,5	76 005	1,99
Мордва	49 813	1,86	57 826	1,83	43 582	1,3	40 745	1,06
Удмурты	23 256	0,87	25 103	0,79	25 388	0,75	27 918	0,723
Белорусы	18 281	0,68	23 761	0,75	29 792	0,62	17 985	0,47
Другие национ.	35 722	1,34	33 675	1,07	40 767	1,22	36 987	0,94

Национальности	1979		1989		2002		2010	
	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес
Все население	3 844 280	100	3 943 113	100	4 104 336	100	4 072 292	100
Башкиры	935 880	24,3	863 808	21,9	1 221 302	29,8	1 172 287	29,5
Татары	940 446	24,5	1 120 702	28,4	990 702	24,1	1 009 295	25,4
Русские	1 547 893	40,3	1 548 291	39,3	1 490 713	36,3	1 432 906	36,0
Чуваши	122 344	3,2	118 509	3,0	117 317	2,9	107 450	2,7
Марийцы	106 793	2,8	105 768	2,7	105 829	2,6	103 658	2,6
Украинцы	75 571	2,0	74 990	1,9	55 249	1,3	39 875	1,0
Мордва	35 900	0,9	31 923	0,8	26 020	0,6	20 300	0,5
Удмурты	25 906	0,7	23 696	0,6	22 625	0,5	21 477	0,5
Белорусы	17 393	0,4	17 038	0,4	17 117	0,4	11 686	0,3
Другие национ.	36 154	0,9	38 388	1,0	57 460	1,3	55 792	1,4

* Таблица составлена по материалам Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989) и Всероссийских (2002, 2010) переписей населения.

Таблица 2 — Приблизительный конфессиональный состав населения Республики Башкортостан по результатам последних советских и постсоветских переписей (1979-2010 гг.), составленный по наиболее многочисленным этносам, в %*

Годы переписи населения	Мусульмане	Православные	Язычники	Другие
1979	48,8	46,8	3,5	0,9
1989	50,3	45,4	3,3	1,0
2002	53,9	41,5	3,2	1,3
2010	54,9	40,5	3,1	1,5

* Составлено по [3, с. 64; 4, с. 30].

а также мордвы и чувашей региона, в совокупности составляющих свыше 40,5% населения¹, к «потенциальным мусульманам» — башкир и татар, исповедующих ислам суннитского толка (ханафитский масхаб), в совокупности — почти 55% населения, к «потенциальным язычникам» — марийцев и большинство удмуртов республики, в совокупности составляющих 3,1% ее граждан². В целом, по результатам последних двух советских (1979 и 1989) и двух постсоветских (2002 и 2010) переписей, эволюция конфессионального состава населения Башкортостана может быть представлена следующим образом (табл. 2).

Основываясь на данных вышеприведенной таблицы, по результатам анализа статистических материалов, объективное поле для религиозного ренессанса на территории Башкирии изменялось за последние сорок лет следующим образом: у мусульман оно росло (на 6,1%); у православных — сокращалось (6,3%); у язычников — тоже уменьшалось. Эти тенден-

ции являются отражением соответствующих изменений этнического состава населения республики. Вместе с тем нельзя игнорировать межэтнические и внутриэтнические процессы, которые происходили в течение последнего столетия и не могли не повлиять на конфессиональную идентичность широких слоев населения. Имеется ввиду, например, русскоязычная ассимиляция, которая в группе так называемых «неправославных народов» достигла на современном этапе достаточно больших размеров, составляя от 10 до 15%, а в молодежной среде и свыше 20% от общей совокупности этноса [5, с. 81–90].

Исходя из исследования имеющихся статистических данных нельзя не прийти к выводу о том, что реальную эволюцию религиозной идентичности широких слоев населения возможно проследить в основном посредством изучения материалов репрезентативных социологических опросов, описание характеристик которых приводится в следующем разделе работы.

Эмпирическая база исследования

Как уже констатировалось выше, эмпирическую основу исследования заявленной проблемы составили в основном две группы источников:

1. Разнообразные статистические данные как опубликованных, так и заархиви-

рованных материалов Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989) и Всероссийских (2002, 2010) переписей, а также — микрореперисей (1994, 2015) населения по выборочной совокупности Республики Башкортостан.

¹ По данным известных чувашеведов И. Г. Петрова и Е. А. Ягафровой феномен язычества, весьма распространенный в прежние времена, сохранился на современном этапе у всех российских чувашей в количестве не более 3,5 тыс., а в Башкирии — не более 500 приверженцев [1, с. 100–104].

² Известный уфимский финно-угровед Р. Р. Садилов считает, что практически все марийцы и абсолютное большинство удмуртов Башкирии сохранили, в отличие от своих «материнских» этносов, традиционную (этническую) религию и поэтому могут быть отнесены к группе «язычники» [2, с. 91].

2. Повторный синхронный анализ результатов нескольких масштабных, репрезентативных по республике, и нескольких экспертных опросов, осуществленных при непосредственном участии или под руководством авторов.

Наибольшее значение в этом смысле имеют следующие исследования:

1) Результаты массового социологического опроса жителей семи городов Башкортостана в апреле 1993 г. по проекту «Язык, национальность и бывший Советский Союз» (руководители и организаторы проекта: М. Губогло, Р. Кузеев (Россия) и С. Лейманн, Д. Хафф, Д. Лейтин (США)). Выборка составила более 2100 респондентов, в том числе — башкир (817 чел.), татар (779 чел.) и русских (814 чел.);

2) Результаты этносоциологического опроса сельских и городских жителей Башкортостана, проведенного летом 1995 г. по проекту «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России». Опрошено 2184 респондента, в том числе 824 русских, 472 башкир, 614 татар и 274 других национальностей в пяти городах и пяти сельских районах республики (автор проекта — М. Н. Губогло; руководитель исследования — Ф. Г. Сафин);

3) Результаты социологического опроса жителей Башкортостана по проекту 2011–2012 гг. «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества» (руководители: Л. М. Дробужева и Р. М. Валиахметов). Выборка составила 1026 чел., репрезентативна по поселе-

ниям, полу, уровню образования и национальности;

4) Итоги этносоциологического опроса по исследовательскому проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность», проведенного в январе 2014 г. (авторы проекта: Ф. Г. Сафин, А. И. Фатхутдинова; руководитель исследования — А. И. Фатхутдинова). Опрошено 1000 чел., в том числе 361 респондент русской, 295 башкирской, 254 татарской и 90 представителей других национальностей;

5) Итоги этносоциологического опроса по исследовательскому проекту «Этнокультурные процессы в Башкортостане: этничность, язык, религия», проведенного в апреле 2019 г. Опрошено 779 респондентов, в том числе: русских — 264 чел., башкир — 179, татар — 224, других национальностей — 132 чел. (авторы проекта: Ф. Г. Сафин, А. И. Халиулина; руководитель исследования — А. И. Халиулина).

6) Результаты углубленного интервью мусульманской элиты Башкортостана в марте-августе 2004 г. Опрошено 38 религиозных деятелей (автор — Р. Р. Галлямов);

7) Результаты интервью представителей татарской мусульманской интеллигенции и экспертов, проведенных автором в июне — июле 2014 г. Всего проведено 13 глубинных интервью, распределенных по составу экспертов на следующие группы: 4 — представители исламского духовенства, 4 — эксперты из числа ученых и чиновников, 5 — верующие из числа активистов татарских общественных организаций (автор — Р. Р. Галлямов).

Религиозный ренессанс: ожидания и реальность

Возрождение религиозного самосознания в России, бурно развернувшееся с конца 1980-х годов, прошло в своем развитии несколько отличающихся друг от друга этапов. При этом реальные тенденции развития традиционных для страны конфессий значительно отставали и от имеющихся статистических показателей «потенциального» верующего населения, и от ожиданий религиозных иерархов, формирующейся религиозно-духовной элиты.

Например, в Башкирии, согласно результатам социологического опроса городских жите-

лей 1993 года, то есть в самом начале постсоветской эпохи, только 53% респондентов причисляли себя к верующим. Из них: 12,6% опрошенных самоопределились как «верующие и соблюдающие обряды»; 33,6% — как «верующие, но не соблюдающие обряды»; 10,2% — «нам все равно»; 33% — «не верим, но уважаем чувства тех, кто верит». По результатам опроса, проведенного по выборке, репрезентативной для всего населения республики, через два года (в 1995 году) уже 71,3% респондентов в разной степени продекларировали свою религи-

озность. При этом из числа ответивших таким образом 11,1% объявили, что они «верующие и соблюдают обряды»; 34% — «верующие, но не соблюдают обряды»; 7,2% — «нам все равно»; 19,3% — «неверующие, но уважают чувства тех, кто верит». То есть большого роста религиозности не произошло, а рост числа верующих происходил за счет «колеблющихся», в разряд которых перешли те, кто ранее трактовал себя как «не верующий, но уважающий чувства тех, кто верит». Необходимо подчеркнуть, что по результатам обоих представленных опросов однозначно верующие, по своей части от числа опрошенных, составили уже стабильный уровень — приблизительно 55–60% [6, с. 125].

Результаты массовых социологических опросов демонстрируют, что «романтический» период религиозного возрождения в первое десятилетие следующего, двадцать первого, столетия в Башкортостане не завершился, а, например, применительно к мусульманской конфессии, религиозность населения Башкирии сильно возросла. Так по результатам репрезентативного опроса жителей республики 2011 года, проведенного московскими социологами, 31,5% опрошенных, которые объявили о своей мусульманской идентичности (в том числе 32% башкир и 29,5% татар), продекларировали, что они «верующие и стараются со-

блюдать религиозные обычаи и обряды», еще 58,8% респондентов из числа потенциальных мусульман (в том числе 58% башкир и 61% татар) отнесли себя к категории «верующие, но не соблюдающие обычаи и обряды». То есть к 2011 году число верующих, из числа причисляющих себя к мусульманской традиции, в Башкирии достигло 90,3%, согласно религиозной самоидентификации [7, с. 76].

Однако результаты опросов, проведенных во втором десятилетии текущего столетия, демонстрируют не столь «оптимистичные» результаты возрождения религиозности. Например, по результатам опросов 2014 и 2019 годов, не более пятой части представителей преобладающих в республике этносов продекларировали свою твердую, активную религиозность. Причем по всем категориям верующих в различной степени заметна тенденция уменьшения религиозности (табл. 3).

Таким образом, повторные социологические опросы, выступающие своего рода «контрольными» по отношению к опросам 1990-х годов, согласуются с результатами экспертных опросов представителей мусульманской и этнической элиты, проведенных одним из авторов статьи в 2004 и 2014 годах. Как показал сравнительный анализ итогов этих двух опросов, представители мусульманской и этнической

Таблица 3 — Уровень религиозности основных народов Башкортостана в идентификации личности (Ответ на вопрос: Каково Ваше отношение к религии?)*

Ответ на вопрос	Башкиры		Татары		Русские		Другие	
	2014 г.	2019 г.	2014 г.	2019 г.	2014 г.	2019 г.	2014 г.	2019 г.
Я верующий и соблюдаю религиозные обряды	20,0	10,1	17,2	16,6	13,6	18,1	27,0	16,9
Я верующий, но не соблюдаю религиозные обряды	61,3	55,9	61,7	59,6	63,6	46,8	46,0	41,6
Я колеблюсь	3,9	3,4	1,8	2,2	1,9	8,0	6,3	6,7
Мне все равно	1,3	8,9	5,3	7,2	4,6	8,0	4,8	6,7
Я не верующий, но уважаю тех, кто верует	9,7	15,1	12,8	12,1	13,9	12,2	11,1	9,0
Я думаю, что с религией надо бороться	0,6	3,4	0	0	0,4	0,4	0	3,4
Затрудняюсь ответить	3,2	3,3	1,3	2,2	1,9	6,7	4,8	15,7

* Таблица составлена по материалам опросов (январь 2014 г., апрель 2019 г.).

элиты подчеркивают несколько обстоятельств применительно, например, к состоянию развития исламской религиозности. Эксперты считают, что рост мусульманской идентичности широких слоев населения имеет преимущественно «инерционный» характер, сохранившийся после значительного всплеска начала 1990-х годов. Одновременно эксперты подчеркивают большие «сельско-городские» (на селе — больше, в городе — меньше) различия развития религиозности. Наконец, представители этно-мусульманской элиты отмечают существенное отставание исламской конфессии от православия с точки зрения итогов религиозного ренессанса. Очень симптоматично и то, что в 2014 году результаты интервью экспертов, представляющих мусульманскую интеллигенцию, и респондентов из числа чиновников отмечают только некоторый «всплеск» интереса к религии в начале 1990-х годов, а сам интерес носит характер «модного увлечения». Респонденты новейших интервью также специально подчеркивают, что рост «количественных» показателей религиозности (рост количества зарегистрированных общин и мечетей, увеличение числа исполняющих некоторые обряды) происходит наряду с отсутствием ее «качественного» роста (отсутствие «глубинной» религиозности). А отдельные респонденты, особенно из числа молодежи, высказывают мнение, что никакого увеличения исламской религиозности не происходит вообще, скорее наблюдается даже ухудшение в этом смысле, особенно — в последнее десятилетие [6, с. 134].

Как известно, одним из наиболее значимых факторов религиозной идентичности выступа-

ет непосредственная самоидентификация личности, выполняющая стержневую роль. Результаты опросов демонстрируют высокую значимость религиозного фактора среди населения в Башкортостане. Так, более половины (53,1%) татар, немногим менее этого башкир (47,5%) и русских (46,2%), а также каждый второй из пяти опрошенных респондентов других национальностей (39,7%), как показали данные опроса 2019 года, отметили, что для них религиозная принадлежность имеет очень большое значение. Всего лишь каждый пятый опрошенный башкир (22,9%) и русский (20,8%), а также каждый десятый татарин не придавал своей религиозной принадлежности особую значимость (табл. 4). Тем самым в опросах фиксируется высокий, не исчерпанный пока потенциал дальнейшего возрождения религиозности в многонациональном регионе.

В то же время вполне возможно, что само стремление к декларированию своего вероисповедания респондентами из числа потенциальных верующих свидетельствует о значительном росте конфессиональной идентичности, стимулирующей реальное приобщение к религии. Однако по результатам более репрезентативных (в том числе — экспертных) опросов, именно достаточно скромная оценка религиозности широких слоев населения сохраняется в среде духовенства на протяжении всего последнего десятилетия.

Если исходить из статистических показателей, имеющих в значительной степени формальный характер, религиозный ренессанс в Башкирии можно считать состоявшимся. Применительно к исламской конфессии яркими ин-

Таблица 4 — Значимость религиозной принадлежности в идентификации основных этносов Башкортостана (Ответ на вопрос: В какой степени для Вас значима Ваша религиозная принадлежность?)*

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Очень значима	13,4	11,6	12,5	9,2
Значима	34,1	41,5	33,7	30,5
Мало значима	16,2	24,6	23,9	23,7
Совсем не значима	22,9	11,2	20,8	16,0
Затрудняюсь ответить	13,4	11,2	9,1	20,6

* Таблица составлена по материалам опроса (апрель 2019 г.).

диктаторами этого можно считать: во-первых, рост количества зарегистрированных приходов, многократное увеличение числа высокообразованных священнослужителей из числа молодых людей; во-вторых, строительство многочисленных, иногда довольно оригинальных в архитектурном исполнении, зданий мечетей; в-третьих, создание и развитие целой системы «внутреннего» религиозного образования в республике. Например, если в 1990 году в Башкирии насчитывалось 30 мусульманских общин, то к 2014 году их количество выросло до около 1200, а в соседнем Татарстане свыше 1100 общин имели свои здания мечетей [6, с. 145].

Таким образом, резюмируя анализ ожиданий и достигнутых реалий религиозного постсоветского ренессанса в Башкирии, в диахронном смысле можно выделить следующие качественно отличающиеся в этом смысле этапы.

Первый этап («позднесоветский»), развернувшийся с началом перестройки и бурного возрождения религиозности в стране в целом. Хронологически он длился приблизительно до развала Советского Союза, то есть с 1987 по 1992 годы и был, может быть наиболее «романтическим» периодом в возрождении российских конфессий. В это бурное время в состав религиозной элиты республики пришли наиболее яркие представители духовенства, которые потом возглавили все (в том числе коллизионные) процессы в религиозных общинах. Резко возрос интерес всего формирующегося гражданского общества к проблемам вероисповедания. Начались активные финансовые вливания в церковные дела: как со стороны государства, так и со стороны отечественных и самое опасное — зарубежных спонсоров. Религиозная деятельность стала престижной. Начался возврат религиозных ценностей (храмов, земель и т. д.) соответствующим конфессиям.

Второй этап («первый постсоветский») охватывает «лихие» 1990-е годы и отличается бурным проявлением заложенных в предыдущем периоде процессов активного участия духовенства в социально-политической жизни страны.

В данный период исламская конфессия в нашем макрорегионе, да и в России в целом, подвергается значительной политизации и в результате раскалывается на несколько организационно независимых управлений — муфтиатов, число которых достигает на современном этапе нескольких десятков. Данный фактор очень негативно влияет на распространение исламской религиозности в широких слоях населения и в целом — на развитие религиозно-духовного возрождения [8, с. 71–117]. Региональному отделению Русской православной церкви, несмотря на нападки нетрадиционных сект и течений, вопреки некоторым внутриконтрессиональным противоречиям, удается сохранить организационное единство и довольно активно распространить свое влияние на широкие слои «потенциальных православных». Возрождаются многие христианские празднества и традиции. Активно возрождаются в республике «языческие» конфессии, как правило на основе организации и развертывания деятельности соответствующих этнокультурных объединений.

Третий этап («современный») начинается, по нашему мнению, с середины первого десятилетия текущего столетия и выражается: а) в стабилизации количества зарегистрированных общин и заложенных для строительства храмов, в связи с фактическим исчерпанием демографического потенциала возможных прихожан в религиозные общины (особенно ярко это проявляется в исламской умме); б) институализации религиозного образования, создании стройной системы кадрового обеспечения священнослужителей на уровне общин; в) успешном парировании попыток разобщить и захватить общины со стороны различных провокационных деятелей, священников экстремистской направленности, чуждых традиционным российским конфессиям религиозных сект и течений; г) урегулировании внутриконфессиональных противоречий и раздоров, первых попытках организационного и образовательного согласования интересов основных конфессиональных объединений.

Список источников

1. Ягафова Е. А. Чувашское «язычество» в XVIII — начале XXI века. Самара : СГПУ, 2007. 128 с.
2. Садилов Р. Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа : Первая типография, 2016, 276 с.

3. Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года) : статистический сборник. Уфа : Башкортостанстат, 2006. 198 стр.

4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года : статистический сборник : В 2 ч. Ч. 1. Уфа : Башкортостанстат, 2013. 193 с.

5. Галлямов Р. Р. Этноязыковые процессы в Волго-Уральском макрорегионе России в XX веке (на примере Башкортостана и Татарстана) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3(38). С. 81–90.

6. Галлямов Р. Р. Татары Башкортостана: особенности исламского религиозного возрождения // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность. Казань : Артифакт, 2014, 348 с.

7. Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан / Л. М. Дробизева Р. М. Валиахметов, Е. М. Арутюнова и др. // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук. 2012. № 5. С. 004–123.

8. Галлямов Р. Р. Исламское возрождение в Волго-Уральском макрорегионе: сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана // Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход. М. : Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 71–117.

References

1. Yagafova E. A Chuvash "paganism" in the XVIII — early XXI century. Samara: SSPU; 2007. 128 p. (In Russ).

2. Sadikov R. R. Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography). Ufa: First Printing House; 2016, 276 p. (In Russ).

3. The national composition of the population of the Republic of Bashkortostan (according to the All-Russian population census of 2002): statistical collection. Ufa: Bashkortostanstat; 2006. 198 p. (In Russ).

4. Ethnic composition and language proficiency, citizenship of the population of the Republic of Bashkortostan according to the data of the All-Russian population census of 2010: statistical collection: In 2 p. Part 1. Ufa: Bashkortostanstat; 2013. 193 p. (In Russ).

5. Gallyamov R. R. Ethno-linguistic processes in the Volga-Ural macroregion of Russia in the XX century (on the example of Bashkortostan and Tatarstan). *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2020;3(48):81–90.

6. Gallyamov R. R. Tatars of Bashkortostan: features of the Islamic religious revival. *Tatary` i islam v regionax Rossijskoj Federacii: religioznoe vozrozhdenie i e`tnichnost` = Tatars and Islam in the regions of the Russian Federation: religious revival and ethnicity*. Kazan: Artifact; 2014, 348 p. (In Russ).

7. Sociological response to the "national question": the example of the Republic of Bashkortostan / L. M. Drobizheva, R. M. Valiakhmetov, E. M. Arutyunova et al. *Informacionno-analiticheskij byulleten` Instituta sociologii Rossijskoj akademii nauk = Information and analytical bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*. 2012;(5):004–123. (In Russ).

8. Gallyamov R. R. Islamic revival in the Volga-Ural macroregion: a comparative analysis of the models of Bashkortostan and Tatarstan. *Islam ot Kaspiya do Urala: Makroregional`ny`j podxod = Islam from the Caspian to the Urals: Macroregional approach*. M. : Russian political encyclopedia; 2007. P. 71–117. (In Russ).

Информация об авторах

Р. Р. Галлямов — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник;

С. М. Емелин — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, директор;

Ф. Г. Сафин — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Information about authors

R. R. Gallyamov — Doctor of Science (Sociological), Professor, Chief Researcher;

S. M. Emelin — Doctor of Science (Law), Candidate of Science (Historical), Professor, Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Director;

F. G. Safin — Doctor of Science (Historical), Professor, Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 21.09.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 21.09.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.